

Маме, которая сумела дать мне то,
чего не было у Анны

ΤΟΓΔΑ

Глава I

«Время переплавляет любого в крик.
Время — всего лишь отсчет назад на пути к неизбежному. Все говорят так громко, чтобы заглушить саму мысль об этом.
Я же творю тишину бесстрашия».
(Надпись на форзаце учебника по алгебре)

Марина сидела перед клеткой с галдящими мужчинами и пыталась собраться с мыслями.

Она явилась в полицию ближе к вечеру. Пришла бы и раньше, но почему-то у нее засела в мозгу не своя, фильмовая мысль о том, что в полицию можно идти, только когда пропавшего нет хотя бы три дня. Меньше трех дней отсутствия — пустяк, ради которого не следует отвлекать серьезных людей от работы.

Поэтому последние два часа Марина просидела у входной двери, перенесла стул из кухни, и снова и снова звонила, натываясь на «абонент вне зоны действия сети». Свои попытки она прервала только дважды. Один раз — когда ее осенила спасительная и фальшивая мысль о том, что Аня задержалась у подружки. Марина набрала единственный известный ей номер. Трубку сняла мать Аниной одноклассни-

цы, которая говорила сочувственно, с хорошо выверенной толикой вежливого волнения, но было в ее голосе и что-то еще. Только положив трубку, Марина поняла что. Недоумение.

Девочка, матери которой она позвонила, явно никогда не была так близка с Аней, как ее дочь утверждала, отмахиваясь этим номером от Марининых распросов.

Маргарита Михайловна, Анина учительница, к счастью, не только сразу взяла трубку, но и посоветовала Марине обращаться в полицию немедленно, не теряя больше ни минуты. Так она и сделала — только долго выбирала в коридоре между кроссовками и туфлями на каблуке, пока не затряслись руки. Руки выплясывали задорную тарантеллу, как будто решив вести теперь отдельную, веселую жизнь, не имеющую ничего общего с полным скорби и страха телом, а Марина смотрела на черные туфли с тонким каблуком так, как будто видела их впервые.

Позднее Марина не раз пыталась вспомнить, что именно чувствовала между моментом, когда осознала, что Аня не просто опаздывает, и мигом, когда перешагнула порог полиции. Она не воображала немислимых ужасов, которые могли случиться с дочерью, не пыталась успокоить себя сладкими сказками о вечеринках непослушания, пронизанных запахами дешевых коктейлей в банках и розовой жевательной резинки. Собственно говоря, единственной эмоцией, которую она могла вспомнить,

ТОГДА

было отупение — если его вообще можно считать эмоцией.

По привычке она шла ближе к краю тротуара — стояла осень, сухие листья сгребали к бордюрам, а Марина любила чувствовать, как они шуршат и похрустывают, приволакивать ноги, как в осенней морской воде... Но сегодня листья молчали.

В приемной совсем юная девочка в кителе, не сходявшемся на огромном беременном животе, посмотрела на нее округлившимися глазами, когда она спросила, где здесь можно заявить о пропаже ребенка. Возможно, дело было в том, как она запнулась на слове «ребенок». Внутренне она уже несколько лет не могла заставить себя определять Аню именно так, хотя технически, конечно, ее дочь была ребенком — ребенком на пороге шестнадцатилетия.

Оказалось, чтобы подать заявление, нужен следователь, а следователя нет на месте, поэтому придется подождать. Девочка в кителе отвела ее куда-то и предложила воды или чая. Марина ответила что-то и тут же забыла что.

Коридор, в который ее привели, был выкрашен светло-желтой краской, неровно, с потеками. Часть его оказалась огорожена решеткой, за которой шумно и возбужденно переговаривались бомжи — Марина на миг оторопела.

В тот день она впервые была в полиции и не ожидала, что задержанные на улицах бродяги будут заперты неподалеку от места ожидания для матерей,

пришедших подать заявление о пропаже ребенка, пусть даже и такого взрослого, как Аня. Люди за решеткой какое-то время с любопытством разглядывали ее и даже что-то говорили, но вскоре оставили в покое.

Чтобы отвлечься от лишних мыслей и тяжелого запаха, Марина попыталась представить себе, что делала бы на ее месте Идеальная Мамочка. Наверное, уже закатила бы истерику и кричала на несчастную беременную в кителе, требуя, чтобы все силы полицейского участка были брошены на поиски ее детки.

Марина представила, как, спустя всего несколько часов, будет говорить по телефону с кем-то из подруг и рассказывать о пережитом. *«Я там чуть с ума не сошла...»*

Пожалуй, с учетом ситуации можно будет не просто намекнуть на собственную стойкость, а говорить о ней открыто. Да, именно так. Ситуация достаточно чрезвычайна, чтобы позволить себе слабость похвастаться силой духа. Марина нальет себе полный бокал красного вина, закурит сигарету в доме (этого она почти никогда себе не позволяла) и будет говорить долго и обстоятельно, каждым новым разговором выдавливая боль и страх, накопившиеся за день, без остатка. Сигаретный дым будет плавать по комнате. За окном будет заниматься рассвет. Аня будет спать у себя в комнате. Целая и невредимая. Дома.

Фантазия была такой яркой, что, когда ее окликнули, Марина не сразу сообразила, где находится.

ТОГДА

Думала, пришел следователь, но нет — просто девочка в кители принесла чашку чая на блюдечке. Чашка была не казенная, ярко-розовая, с веселой овечкой, говорящей «Бе-е-е» белому сколу на краю. В чае плавали, медленно, как в танце, темные чайники. На блюдечке лежал, сиротливо прижимаясь к чашке, каменный с виду пряник.

— Если хотите, я еще пряников принесу, — торопливо сказала девчонка, косясь на клетку с мужчинами. — Или, хотите, можете со мной посидеть в кабинете. Только там... Не совсем чисто.

Мысль о том, что же должно твориться в кабинете, если там менее чисто, чем в коридоре с бомжами, вяло ударила хвостом в мутной жиже мыслей и не вызвала ни малейшей ряби на поверхности. Обычно Марина непременно улыбнулась бы собственной шутке или ввернула что-то остроумное вслух. Она любила нравиться незнакомцам... Но, кажется, девочка и так была к ней более чем расположена. Марина мгновенно представила, что такие вот сочувственные взгляды и робкие, тихие шепотки будут сопровождать ее теперь бесконечно долго, может быть, всю жизнь, и резко встала. Звякнула ложка о край блюда.

— Не подскажите, где здесь туалет?

Девчонка торопливо объяснила.

В туалете Марина долго умывалась холодной водой — тушь потекла, лицо покраснелось. Долго и бессмысленно она разглядывала себя в зеркале: бледное лицо в потеках косметики, высокий лоб без

единой морщины, волосы цвета масла — так говорила парикмахерша, к которой она ходила краситься, хотя ни оливковое, ни сливочное в холодильнике ничуть не походило на этот сияющий сусальной позолотой цвет.

Несколько минут она медлила у зеркала, думая, стоит ли подправлять макияж. Простейший выбор вдруг стал неразрешимой задачей. Происходящее с ней не имело логического объяснения. В супермаркете, хотя Марина ничего и никогда не крада, она часто стремилась быстрее пройти мимо охранников, опуская глаза, будто взгляд мог ее выдать. Так же и теперь ей вдруг показалось, что излишне аккуратный макияж может заставить представителей закона заподозрить ее в черствости — быть может, в причастности?.. Ногти, покрытые бордовым лаком, с противным скрипом впились в край раковины.

Идеальная Мамочка не об этом думала бы теперь, когда драгоценная дочка находится неизвестно где. Она бы бежала через полгорода в разных тапках и одном носке и теперь, срываясь на крик, требовала бы, чтобы ее приняли немедленно, сейчас же...

Глаза болели, и она машинально извлекла яркие синие линзы, высвобождая настоящий цвет глаз, — как будто маску сняла. Глаза, очень темные, карие, при определенном освещении почти вишневые, были единственным, что внешне связывало их с Аней.

ТОГДА

В дверь постучали, а затем в щели появилось лицо девчонки, с которого не сходило выражение испуганной почтительности. При взгляде на Маринино лицо в потеках дорогой туши девчонка машинально прижала ладонь к животу. «Радуется, что не на моем месте, — подумала Марина. — И, может быть, молится — если у нее есть бог, — чтобы никогда на нем не оказаться».

— Следователь пришел, — робко сообщила девчонка. — Он вас ждет у себя в кабинете.

Марина кивнула:

— Спасибо. Я приду через минуту. — Она потянулась за салфеткой, смочила ее водой. Перед тем как закрыть дверь, девчонка быстро стрельнула в нее взглядом — на этот раз почти благоговейным. Как минимум она не увидела в том, чтобы поправлять макияж перед встречей со следователем, ничего зазорного — возможно, наоборот, восхитилась Мариной стойкостью. *«Здравствуйте, моя дочь сегодня не вернулась домой после школы...»* Покрытый белой казенной плиткой пол вдруг сделал красивый кульбит, метнулся в лицо, как камень из пращи, и Марина с трудом устояла на ногах.

Она должна вспомнить все, что может оказаться важным. Должна сохранять спокойствие. И сделать все, чтобы Аню нашли. Первый раз за день Марина вдруг с ледяным спокойствием подумала, что не перенесет, если Аня не найдется, не перенесет, если именно такой станет ее история... Если это и станет ее историей.